

Дж Ф. Степхен

**Уголовное право Англии: в
кратком очертании**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д40

Д40 **Дж Ф. Степхен**
Уголовное право Англии: в кратком очертании / Дж Ф. Степхен – М.: Книга
по Требованию, 2015. – 610 с.

ISBN 978-5-518-02725-1

ISBN 978-5-518-02725-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

екты реформъ, части общую и особенную уголовного права матеріальнаго, судопроизводство и теорію доказательствъ, основанную на теоріи познанія, наконецъ изложеніе пѣсьольбкихъ замѣчательнѣйшихъ уголовныхъ процессовъ. Сверхъ сжатости и обилія содержанія сочиненія Стивена, была еще одна причина, склонившая меня заняться переводомъ этой книги. Интересуясь учреждениями англійскими, по ихъ всемірно-историческому значенію, публика наша заимствовала до сихъ поръ все извѣстія объ нихъ изъ вторыхъ рукъ, въ прежнее время отъ французовъ, потомъ преимущественно отъ нѣмцевъ, отъ Гпейста, Фишеля, Миттермайера. Но понятнѣе, что узнавать учрежденія какого-либо края изъ рассказовъ иностранцевъ, значить тоже самое, что знакомиться съ какою-либо литературнымъ произведеніемъ, не по подлинному ему тексту, и даже по по подстрочному переводу, а по чьей-либо передѣлкѣ. Передѣлка можетъ быть очень хороша, но подлинникъ все таки лучше. Извѣстно, что пѣмцы первые въ мірѣ систематики; каждый изъ нѣмецкихъ ученыхъ подходитъ къ изучаемому имъ законодательству съ готовою схемою, съ заранѣе составленною сѣтью общихъ понятій, дѣленій и подраздѣленій; по различнымъ клѣточкамъ этой сѣтки, онъ и размѣщаетъ добытый матеріаль. Сверхъ расположенія матеріала, книга нѣмецкая содержитъ еще и критическую оцѣнку англійскихъ учреждений, и притомъ оцѣнку ихъ съ нѣмецкой точки зрѣнія, то есть, съ такой, съ которой самъ англичанинъ никогда бы не сталъ смотрѣть на обычаи, учрежденія и законы своей родины. Нѣмецкая точка зрѣнія ближе насъ, посему мы и прибѣгаемъ всего охотнѣе къ нѣмецкимъ руководствамъ, учебникамъ и трактатамъ, но проходя сквозь чуждую ему среду, подлинникъ получаетъ несвойственную ему окраску, притомъ теряется и улетучивается большею частью тотъ духъ, который вѣялъ въ учрежденіяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, становятся менѣе понятными тѣ силы, которыхъ произведеніемъ является данное законодательство, то есть тотъ складъ ума и то настроеніе характера народа, которые лежатъ въ основаніи всякаго оригинальнаго

законодательства. Иное дѣло когда авторъ книги объ англійскихъ законахъ самъ кровный англичанинъ-юристъ, тогда его точка отправления, и образъ мыслей, его приемы при изученіи предмета и способы группировать факты, становятся для насъ поучительными, потому что и на нихъ не менѣе, какъ и на самомъ предметѣ его изслѣдованій лежитъ одно и то же клеймо.

Законы и учрежденія англійскія суть сочныя произведенія превосходной почвы, плодъ жизни весьма разнообразной и богатой содержаніемъ. Подобно всѣмъ великимъ созданіямъ человѣческаго творчества, они съ одной стороны весьма національны, съ другой стороны способны къ безграничному, космополитическому распространенію. Лучшія силы народа не ушли въ бездонную глубь міра идей, какъ у нѣмцевъ, но направились на дѣятельность внѣшнюю, дѣловую и на выработку общественныхъ отношеній. Вслѣдствіе необыкновенно благоприятнаго стеченія качествъ даровитой расы и внѣшнихъ условій ея развитія построился порядокъ общественный, изумительный по своей прочности, устойчивости и самый свободный, какой когда-либо существовалъ, въ которомъ самый широкій просторъ предоставленъ энергіи единичной воли. Порядокъ этотъ складывался съ величайшимъ трудомъ, вслѣдствіе упорной борьбы противоположныхъ началъ, медленно и поштучно, безъ перерывовъ, свачковъ и заимствованій, которыхъ не у кого было дѣлать. Есть, или по крайней мѣрѣ была у насъ, одна литературная партія, которая выражала желаніе, чтобы развитіе народа совершалось изъ однихъ древне-народныхъ элементовъ, безъ посредства и вліянія иноземной культуры. Англійское законодательство представляетъ типъ вполне подходящій подъ этого рода требованія. Англія отдѣлена была отъ материка и волнами морскими и еще больше своею исторією, которая началась съ нормандской деспотіи и доходила потомъ до республиканскихъ почти формъ быта, между тѣмъ какъ на материкѣ Европы событія шли отъ феодализма къ монархической централизаціи. Англія должна была пробавляться своими только средствами, брать тощія, сухія, бѣдныя формы своего обыч-

наго права, размягчать ихъ, растягивать, власть на прорѣхахъ заплатки изъ статутовъ, добавлять недостающее посредствомъ натянутыхъ толкованій и фикцій. Внѣшній видъ цѣлаго, поражаетъ несистематичностью, отсутствіемъ симметріи, точно дубъ раскинулъ во всѣ стороны свои безчисленные, сучковатыя вѣтви. Но эти старья, сучковатыя, морщинами покрытыя формы имѣютъ безконечную упругость и тягучесть. Такъ какъ они готовы, а легче брать готовое чужое, пежели до него дорабатываться изъ своихъ собственныхъ народныхъ началъ, то ихъ и заимствуютъ у Англіи другіе народы и племена, преобразуя на свой ладъ сообразно своимъ бытовымъ условіямъ. Не безъ основанія Гнейстъ предсказываетъ англійскимъ политическимъ учрежденіямъ такое вліяніе въ области государственнаго права, какое имѣло *jus civile* римское въ области частнаго права. Нѣтъ уже счету различнымъ подраженіямъ, нѣкоторые англійскія учрежденія проникли во всѣ части свѣта, на примѣръ, учрежденіе присяжныхъ. Теперь оно вводится въ Россію; когда оно будетъ распространено на Сибирь, можно будетъ сказать, что оно обошло кругомъ весь шаръ земной.

Ходъ развитія англійскихъ законовъ и учреждений опредѣлили собою и ходъ развитія науки англійскаго законовѣдѣнія. Эта наука осталась и остается до сихъ поръ исключительно національною. Она не странствовала по чужимъ землямъ, мало училась у римлянъ и грековъ, плохо знаетъ, что дѣлается у материковыхъ сосѣдей Англіи, а если и забѣгала когда нибудь впередъ положительному законодательству, то лишь на нѣсколько шаговъ. Она бѣдна философскимъ элементомъ, а такъ какъ она занималась исключительно своимъ, не заглядывая въ иностранное, то всѣ теоріи, которыя она строитъ, суть не болѣе какъ отвлеченія отъ существующаго въ Англіи порядка вещей. Ея требованія невелики и нерадикальны, потому что ея идеалы не лежатъ въ отдаленномъ, а въ ближайшемъ будущемъ и состоятъ изъ имѣющагося уже порядка немного упрощеннаго и очищеннаго. Но съ другой стороны она

несходила съ форума и передаетъ съ совершенною точностью ровно бьющійся пульсъ мощной и здоровой жизни общественной.

При такихъ условіяхъ, невозможно и ожидать въ Англіи появленія индивидуально-великихъ юристовъ, кабинетныхъ ученыхъ въ родѣ Савиньи и Ганса. Англійскіе юристы большею частью дѣльцы-практики, превосходно знающіе и умѣющіе передать что у нихъ, какъ и изъ чего образовалось. Таковъ и Джемсъ Фиц-Джемсъ Стифенъ. Онъ совершенный позитивистъ, для котораго во все не существуютъ метафизическіе вопросы, каковы напримѣръ, вопросы о свободѣ воли, о цѣли наказанія, о предѣлахъ карательной власти государства. Наказаніе говоритъ Стифенъ (гл. IV, стр. 127) приноситъ двоякую пользу: оно предупреждаетъ преступленіе посредствомъ устрашенія; оно даетъ притомъ удовлетвореніе чувству мести. Наказаніе такъ относится къ чувству мести, какъ учрежденіе брака къ половой похоти. И понятіе преступленія и наказаніе состоятъ въ полной волѣ и распоряженіи законодателя. Преступленіемъ считается только то, что запрещено подъ страхомъ наказанія, причемъ противупобщественный характеръ запрещаемаго дѣянія не составляетъ необходимаго условія запрещенія. Многія безправственности не предосудительны потому, что не наказывались. Многія дѣянія, потому только возбуждаютъ негодованіе, что долгое время наказывались напр., ересь. Дуэлей мало бываетъ въ Англіи, потому что бой смертоноснымъ оружіемъ называется какъ murder. Сотни тысячъ воздерживаются отъ убійства потому, что гнушаются имъ, гнушаются же они имъ потому что убійцы подвергаются смертной казни повѣшеніемъ (гл. IV стр. 128). Элементъ нравственный можетъ отсутствовать во многихъ законодательныхъ запретахъ, наконецъ, можетъ случиться даже положительное столкновеніе между уголовнымъ запретомъ и нравственностью (стр. 131). Такихъ мѣсть много у Стифена. Изъ нихъ можно бы заключить, что онъ приверженецъ крутыхъ, деспотическихъ мѣръ и человѣкъ весьма нелиберальный. Подобное заключеніе было бы ошибочно. Самыя рѣзкія изъ этихъ выраженій

имѣютъ совершенно иной смыслъ въ устахъ англичанина, нежели въ устахъ всякаго другаго человѣка. Этотъ же самый террористъ радуется смягченію наказаній (стр. 93), является восторженнымъ хвалителемъ англійскаго судопроизводства, за его снисхожденіе къ несчастію, хотя бы это было несчастіе преступленія (закл. VI гл.). Стифенъ не опасается крутыхъ мѣръ, потому что настоящій sovereign въ Англии, не кто иной какъ парламентъ; парламентъ всевластенъ и могъ бы, конечно, постановить закономъ, что третье дитя въ каждомъ семействѣ должно быть немедленно повѣшено (глава IX). Но Стифенъ знаетъ, что парламентъ этого не сдѣлаетъ. Въ иныхъ странахъ, говоритъ онъ, надлежитъ различать при опредѣленіи преступленій, во-первыхъ, въ какой степени каждое опредѣленіе соотвѣтствуетъ намѣренію законодателя и во-вторыхъ, въ какой степени намѣренія законодателя совпадаютъ съ общественнымъ интересомъ. Въ нашей странѣ — Англии и въ наше время оба эти вопроса совпадаютъ и образуютъ нераздѣльное одно (стр. 127). Само опредѣленіе, что преступленіе есть дѣяніе запрещенное законодателемъ подъ страхомъ наказанія, если вникнуть въ него внимательнѣе, далеко не такъ просто и ясно, какъ могло бы показаться съ перваго раза, потому что между законодателемъ и подсудимымъ становится судья, который толкуетъ смыслъ законодательнаго запрета, съ такою независимостью и съ такимъ авторитетомъ, что совершенно справедливо считается вторымъ законодателемъ. По самой окраинѣ уголовного права идетъ полоса такъ называемыхъ misdemeanors — проступковъ опредѣленныхъ только по названію, а не по составу, совершенно туманныхъ и растяжныхъ, каковы nuisance, libel, conspiracy, подъ которыя въ минуты сильнѣйшаго преобладанія правительственной власти, корона пыталась подвести всякую вообще оппозицію. Толкованіями судей и дѣятельностью присяжныхъ, понятія объ этихъ преступленіяхъ, хотя не потеряли своей туманности, но получили болѣе скромные размѣры и перестали быть опасными. Даже и въ области болѣе тяжкихъ преступленій, наука англійскаго уголовного права — дочь судебной практики, такъ

опредѣлила составъ этихъ преступленій; что въ него входятъ элементы, ускользающіе отъ законодателя и констатируемые только судьей, напримѣръ, такъ называемая *malice*. Для полноты состава преступленія по англійскому праву требуются не только извѣстныя движенія внѣшнія, не только связующее эти движенія воедино намѣреніе и свободная воля, но еще спеціально — противузаконное настроеніе сознанія или *malice*, злоумышленность, которой опредѣленіе въ каждомъ отдѣльномъ преступленіи исключительно принадлежитъ судѣ и присяжнымъ.

Стифенъ великій поборникъ судейскаго законодательства и широкаго простора судейской власти. Сознавая всё неудобства отъ несистематичности англійскаго уголовного права, и выгоды отъ его упрощенія, онъ не рѣшается однако требовать новой полной его кодификаціи (глава IX). Въ весьма сжатомъ и краткомъ ученіи объ общемъ составѣ преступленія (глава III) особенно интересна, по своей необыкновенной простотѣ и практичности, теорія невмѣняемости по причинѣ сумашествія. Менѣе для насъ важна, любопытная только въ историческомъ отношеніи, особенная часть англійскаго уголовного права, самая слабая и отсталая, исполненная дикихъ, странныхъ, уродливыхъ на нашъ взглядъ понятій, доморощенныхъ произведеній англійской почвы. Построить правильную систему особенной части можетъ только тотъ, кто философски образованъ и кто знакомъ съ сравнительно-историческимъ методомъ. Стифену недостаетъ этихъ условій, посему предлагаемыя имъ улучшенія и преобразованія въ классификаціи и опредѣленіяхъ преступленій крайне слабы и во многихъ отношеніяхъ хуже существующихъ въ законодательствѣ положительномъ. Такимъ образомъ смѣшивая право собственности съ другими правами вещными, онъ предлагаетъ дать кражѣ такое опредѣленіе, подъ которое бы подошли всевозможныя нарушенія правъ вещныхъ; путаешь подлогъ съ мошенничествомъ; изъ *burglary*, соответствующаго нашей кражѣ со взломомъ, предлагаетъ выбросить самаважнѣйшій признакъ — взломъ и наказывать каторжными работами всякій

входъ въ чужое жилье, съ намѣреніемъ совершить фелонію и т. под. (глава IV).

Гораздо совершеннѣе и занимательнѣе главы, посвященныя уголовному судопроизводству, въ которыхъ, обрисовавъ немногими, но мѣткими чертами процессы французскій и англійскій, Стифенъ съ искусствомъ глубокаго знатока и безпристрастнаго критика беретъ одѣбивать достоинства и недостатки англійскаго порядка. Но лучшая часть книги, безъ сомнѣнія, та, которая посвящена теоріи доказательствъ (главы V и VI, составляющія около $\frac{1}{4}$ всего сочиненія). Въ теченіи вѣковъ, вслѣдствіе упорной работы многихъ поколѣній судей и безъ всякаго почти вмѣшательства со стороны законодательной власти, возникла и сложилась стройная система правилъ о доказательствахъ, образецъ логики, торжество здраваго смысла, которая столь же важна для процесса, какъ руль для корабля и безъ которой учрежденіе присяжныхъ будетъ всегда хромать и давать неудовлетворительные результаты. Значеніе этой теоріи только теперь уясняется, по мѣрѣ того, какъ начинаютъ сознавать всю неудовлетворительность французскаго jury, рѣшающаго вопросъ о винѣ, по одному безотчетному, чуждающемуся всякаго руководства, впечатлѣнію. У Стифена не только эта теорія представлена очень рельефно, въ сжатомъ видѣ, въ главныххъ ея очертаніяхъ, но ей предпосылается весьма интересная и чисто англійская естественная исторія убѣжденія, въ которой особенно сильно и рѣзко отгнѣненъ одинъ изъ факторовъ всякаго убѣжденія — элементъ личной воли убѣждающагося лица. Въ основѣ всякаго человѣческаго дѣянія лежитъ извѣстное убѣжденіе; притомъ тѣ только дѣянія увѣнчиваются успѣхомъ, которыя истинны, то есть согласны съ дѣйствительностью. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ Стифенъ, какъ истый англичанинъ и настоящій утилитаристъ, объясняетъ жажду истины, стремленіе къ ней человѣка. Есть истины, которыя завладѣваютъ сознаніемъ человѣка, постепенно и надосугъ, незамѣтно и неотразимо, помимо его воли, такъ что убѣждающійся можетъ о себѣ сказать: я не могъ не убѣдиться.

Но въ большей части дѣлъ и отношеній житейскихъ время нетерпѣть, предстоитъ необходимость рѣшиться немедленно безъ отсрочки, сдѣлать надъ собою усиліе, чтобы прійти въ какому либо, хотя бы на воздухѣ построенному, убѣжденію. Вліяніе воли на убѣжденіе громадное. Посредствомъ воспитанія и приобретаемыхъ жизнью умственныхъ привычекъ, всякое лицо можетъ довести себя до вѣрованія во что бы то ни было или до невѣрованія ни во что. Милліоны вѣровали въ предложенія противныя разуму и чувствамъ (глава VII). Поставленное въ необходимость рѣшаться, во что бы то ни стало, по имѣющимся въ наличности даннымъ, лицо выводитъ изъ нихъ заключенія, причемъ эти наличныя данныя служатъ меньшими послылками силлогизма, а роль большихъ посылокъ играютъ готовыя выработанныя ходячія убѣжденія, которыхъ большой запасъ имѣетъ каждый изъ насъ въ головѣ и на которыя каждый изъ насъ привыкъ полагаться, хотя они большею частью относительно и условно вѣрны, а есть между ними и фальшивыя. Каждый изъ насъ довольствуется такимъ способомъ рѣшенія практическихъ вопросовъ, лучшаго не можетъ имѣть и общество въ дѣлѣ суда. Возьмите 12 человѣкъ неособенно умныхъ и даровитыхъ, средне-образованныхъ, обяжите ихъ присягою приложить къ обстоятельствамъ дѣла столько вниманія, сколько бы они обратили, если бы дѣло касалось ихъ лично, и дайте имъ въ руководители опытнаго судью, который бы указалъ имъ на относительный вѣсъ каждаго даннаго, приводимаго въ доказательство. Если эти люди будутъ удовлетворены доказательствами и скажутъ: „да, подсудимый виноватъ“, то на этотъ вердиктъ можно смѣло положиться; онъ возможно лучшій при данномъ состояніи общества.

В. Спасовичъ.

27 октября 1865 г.

Г Л А В А I.

ОБЛАСТЬ УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Законъ. — Преступленіе. — Разговорный смыслъ словъ: criminal law. — Точный смыслъ этой фразы. — Наказаніе и санкція. — Punishments и penalties. — Область уголовного права въ теоріи и на практикѣ. — Crime и tort. — Дѣленіе уголовного права на части.

Настоящая глава занимается опредѣленіемъ того, какое содержаніе имѣетъ уголовный законъ и изъ какихъ частей состоитъ онъ по своему существу. И такъ, прежде всего, поставимъ вопросы: что такое законъ? и что такое преступленіе?

Законъ есть приказаніе держаться извѣстнаго образа дѣйствій. — Приказаніе есть внушеніе, дѣлаемое какимъ либо сильнѣйшимъ разумнымъ существомъ другому слабѣйшему, о томъ, что если сіе послѣднее сдѣлаетъ что нибудь, что первымъ запрещено, или не сдѣлаетъ чего нибудь, что первымъ предписано, то первое повредитъ ему, причинивъ ему извѣстное зло ¹⁾. — Преступленіе есть нарушеніе закона, предписаннаго подъ страхомъ наказанія.

¹⁾ *Austin*, Prov. of Jurisprudence, lect. 1.

Изъ этого опредѣленія слѣдуетъ, что всѣ вообще законы въ извѣстномъ смыслѣ могутъ считаться уголовными, потому что по существу своему они состоятъ изъ приказаній, а всякое приказаніе можетъ быть нарушено.

Такой выводъ можетъ показаться чѣмъ то въ родѣ парадокса, но онъ вѣренъ. По общему мнѣнію законы о наслѣдствѣ не имѣютъ никакой связи съ уголовными, однакоже въ сущности они опираются на законы уголовныя. Извѣстно что по законамъ англійскимъ отцу наслѣдуетъ старшій сынъ, иными словами, что всѣ лица, за исключеніемъ старшаго сына умершей особы, если таковой существуетъ, имѣютъ приказаніе отъ верховной власти воздерживаться отъ пользованія правами собственности на земли принадлежавшія умершему, если они не могутъ предъявить на пользованіе этими правами особаго законнаго основанія. Коль скоро не будучи въ состояніи предъявить законное основаніе, они однако станутъ присваивать себѣ эти права, то государство приважетъ шерифу ввести законнаго наслѣдника во владѣніе землю, а съ присвоителей взыскать издержки процесса. Если же шерифъ откажется исполнить это приказаніе, то онъ будетъ подлежать между прочимъ суду по обвиненію въ неисполненіи законныхъ приказаній государя и наказанію штрафомъ и заключеніемъ въ тюрьму по приговору, который повлечетъ за собою обвиненіе. И такъ въ окончательномъ результатѣ правило, *что отцу наслѣдуетъ старшій сынъ*, сводится къ тому, что государь предписываетъ всѣмъ лицамъ сообразоваться съ этимъ правиломъ, и заставляетъ всякаго соблюдать это правило подъ угрозою узаконеннымъ наказаніемъ. Есть юридическія положенія, которыя повидимому еще болѣе отдалены отъ уголовного права, нежели законы о наслѣдствѣ. Можно доказывать напримѣръ, что положеніе: *король не умираетъ* входитъ въ составъ англійскаго права, но не можетъ быть выражено въ формѣ приказанія. На это возраженіе отвѣтимъ, что какъ вышеприведенное, такъ и многія другія положенія того же рода представлены въ значительной степени благоусмотрѣнію судилищъ,